

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. БУХАРИНА

(О книге К.Н. Любутина и С.В. Мошкина «Российские версии марксизма: Николай Бухарин». — Екатеринбург: УрО РАН, 2000. — 206 с.).

Марксизм, как известно, многолик. История мировой философско-политической мысли породила множество версий марксизма. Первый пик их «размножения» пришелся на конец XIX – начало XX в., когда марксизм стал политической идеологией рабочего движения. Данный процесс захватил и Россию, где марксизм развивался в широчайшем диапазоне конкурирующих между собой интерпретаций: от «слабой» либеральной версии «легального марксизма» до жестких ортодоксально-большевистских трактовок. Существовала также промежуточная европейски ориентированная меньшевистская версия марксизма.

Борьба за политическое лидерство между большевиками и меньшевиками имела свой идейно-политический контекст, связанный с легитимацией той или иной версии марксизма. Политическая победа большевизма осенью 1917 г. означала одновременно и идеологическое конструирование ортодоксально-большевистской трактовки марксизма.

Однако внутри самой большевистской ортодоксии не было монолитного единства. Лидеры большевизма — В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин и др. — нередко расходились в своих идейно-теоретических изысканиях, проводимых под знаменем марксизма. Вместе с тем парадигма большевистской идеологии требовала монополизма, искоренения любого плюрализма, а значит, направляла теоретические дискуссии в русло ожесточенной внутрипартийной политической борьбы, ло-

* *Русаков Василий Матвеевич* — заведующий кафедрой философии Уральской государственной сельскохозяйственной академии, доктор философских наук, профессор.

гическим итогом которой должно было стать истребление носителей конкурирующих версий. Отсюда — неизбежная брутальность и агрессивность стиля большевистской идейной полемики, изобретательность в методологии идеологического прессинга, заданность репрессий в отношении проигравших. На поле жестоких игр идейных внутрипартийных дискуссий одним из самых ярких и талантливых игроков был Николай Иванович Бухарин. Бухарин — плоть от плоти своей эпохи и большевистского племени. Его идейно-политическая биография является в значительной степени типичной для идеолога партии периода «старых» большевиков, т.е. до Большого Террора. В то же время фигура Николая Бухарина как теоретика и идеолога марксизма явно неординарна, его работы заметно выделяются среди трудов многочисленных интерпретаторов и наследников идей марксизма-ленинизма. Именно с данной точки зрения творчество Бухарина представляет большой интерес для исследователей интеллектуальной судьбы марксизма и его российских версий. Новая книга известных отечественных авторов К.Н. Любутина и С.В. Мошкина «Российские версии марксизма: Николай Бухарин», пожалуй, впервые раскрывает перед читателем всю широту диапазона бухаринских социально-философских, экономических, теоретико-политических и гуманитарных изысканий.

Книга состоит из шести разделов, в которых Бухарин показан то в роли активного участника философских дискуссий 20-х гг., то как глубокий теоретик и исследователь современности, то в качестве талантливого полемиста и литературного критика. Авторы не скрывают своего восхищения живостью и «всеядностью» бухаринского ума, его общей научной и гуманитарной просвещенностью. Вместе с тем они видят существенный изъян в его методологии, который был подмечен ранее еще В.И. Лениным в 1921 г. в ходе дискуссии о профсоюзах, а затем и в знаменитом завещании. Ленин, как известно, отмечал в «Письме к съезду», что Бухарин «никогда не понимал вполне диалектики» и потому «его теоретические воззрения очень с большими сомнениями могут быть отнесены к вполне марксистским» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.45. С.345). В конце книги подобная оценка прозвучит уже из уст Мартемьяна Никитича Рютина — лидера антисталинской организации «Союз

марксистов-ленинцев»: «Не подлежит сомнению, что Бухарин образованнейший марксист. Но по всему складу своего ума он больше схематик и механист». Однако не за тем авторы книги взялись за бухаринскую тему, чтобы еще раз упрекнуть своего героя в методологических прегрешениях. Их главный замысел, на наш взгляд, вполне удавшийся, состоял в том, чтобы читатель смог увидеть фигуру российского марксиста Николая Бухарина в контексте жесткого и жестокого времени, в особом «вареве» эпохи, которая стала питательным раствором для рождения и воспроизводства большевизма как культурно-исторического и политического феномена. Большевики и их идеологи — продукты особого, конфронтационного по своему духу исторического периода. Вот почему свой анализ бухаринской идейно-политической биографии авторы начинают с емких метафорических характеристик своего героя: «Золотое дитя революции», «любимец партии». Да, обаятельный живчик-Бухарин одновременно и страшно талантлив, и просто страшен. Страшен прежде всего своим большевистским иезуитством, извращенной партийностью. Не случайно первому разделу книги предпослан эпиграф в виде цитаты из Г.П. Пятакова: «Если партия ... потребует белое считать черным — я это приму и сделаю это моим убеждением».

Среди многочисленных талантов Бухарина, о которых рассказывают нам авторы, — его политическая интуиция. Бухарину удавалось верно схватывать очередной поворот мысли другого, еще более крупного интуитивиста — Ленина, способного весьма круто изменить партийный курс в интересах власти. Так, Бухарин оказался вместе с Лениным, когда в партии шла дискуссия о новой политической стратегии «Апрельских тезисов», когда встал вопрос о переходе к новой экономической политике. Только однажды, во время дискуссии о Брестском мире, Бухарин совершил промах, о котором впоследствии глубоко сожалел. Тогда политические эмоции оказались сильнее политической выдержки и воли. Именно этих качеств, как показывают авторы книги, в критические моменты особенно не хватало Бухарину, что, в конечном счете, отразилось на его политической судьбе.

Однако К.Н. Любутин и С.В. Мошкин видят в Бухарине не столько типичного большевика, сколько самостоятельного и ори-

гинального теоретика, нередко идущего впереди Ленина и других партийных лидеров в разработке актуальных вопросов современности. К примеру, Бухарин был первым, кто обратился к анализу экономики империализма, политической экономии переходного периода, к философским проблемам марксистской социологии. Диапазон его научных интересов чрезвычайно широк — от вопросов научно-технической политики до литературоведения. Из всех большевистских идеологов он самый эрудированный и философски образованный. А этого в большевистской среде не прощают. Все выдающееся должно быть уничтожено, ибо таков закон большевистской борьбы. В данной среде выживает не умнейший, а сильнейший. Таким образом, финальный трагический итог идейно-политической биографии Бухарина был предопределен.

Сегодня, спустя более чем шесть десятилетий со времени гибели Бухарина и через десять лет после его политической реабилитации, новое обращение к идейному наследию этого и других теоретиков большевизма многим кажется в лучшем случае анахронизмом, а в худшем — вредной затеей, ибо, не дай бог, вороша страшное прошлое, можно разбудить демонов большевизма. Но авторы книги преодолевают такую опасность всем содержанием своей работы. Ведь призраки и демоны появляются не потому, что их черты подвергаются детальному анализу при свете разума, а в силу того, что они еще скрываются во мраке неизвестности и тайн. Поэтому чем больше мы будем знать о большевизме, в том числе о различных большевистских версиях марксизма, тем активнее и успешнее будет идти процесс духовного его изживания.